

Дмитрий ФУРМАН

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ И АНТИСЕМИТИЗМ

ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ СЕЙЧАС ГОВОРИТЬ СТАЛО МОЖНО — никакой цензуры в этом вопросе больше нет. Но все еще крайне трудно говорить о самих евреях, об их психологии и поведении, безусловно, отличающихся от психологии и поведения русских. Дело в том, что хотя антисемитской цензуры в этом вопросе больше не существует, осталась самоцензура, связанная со страхом антисемитизма. Говорить об отличиях евреев и русских — страшно, ибо любой разговор на эту тему легко может быть использован антисемитами.

Представим себе, например, что в каком-то органе печати будут приведены данные, согласно которым в тех или иных НИИ или коммерческих структурах, да и вообще где бы то ни было, много евреев. Вполне можно ожидать, что сразу же поднимется шум о еврейском засилье. Допустим, будет показано, что система ценностей среднего еврея, живущего в России, отличается от системы ценностей среднего русского. Наверняка найдется кто-нибудь, кто скажет, что раз так, значит, евреи глубоко чужды «русскому духу» и «разрушают изнутри» русскую культуру и т. д., и т. п. В результате получается, что наличие антисемитского меньшинства изначально «табуирует» любой нормальный разговор о евреях, превращая тему особенностей еврейской психологии в запретную зону для неантисемитов и, следовательно, в специфически антисемитский «заповедник». При этом реальная проблема как бы отдается на откуп антисемитскому мифологизированию, что, естественно, лишь способствует ему и усиливает его. Если в доме все боятся произнести слово «веревка», то тем самым как бы признается, что это — дом повешенного. На мой взгляд, надо преодолеть страхи и начать уже не только отрекаться от антисемитизма, но и говорить о евреях, как о нормальных наших согражданах, об этнической общности со своими уникальными чертами, признание наличия которых в той же мере не имеет ни малейшего отношения к равенству прав российских граждан! как и признание уникальных особенностей татар, бурят или самих русских.

Однако даже если мы преодолеем наши страхи и самоцензуру, мы столкнемся с другой преградой — вплоть до сегодняшнего дня практически нет добротного материала для разговора. В США, например, еврейская община изучена вдоль и поперек, книг и статей о ней — сотни. У нас же практически ничего. Нет, насколько мне известно, ни одного опроса, фиксирующего специфику отношения евреев к различным общественно-политическим проблемам, нет профессиональной и образовательной статистики. Вообще в этом вопросе — полное «белое пятно». Любой разговор о евреях поэтому рискует превратиться в туманные рассуждения о «таинственной русской душе» и «таинственной еврейской душе», основанные на неких общих впечатлениях и соображениях. А нужна хоть какая-то опора на не единичные факты и, если не

настоящая база опросов и статистики, то хотя бы что-то, позволяющее упорядочить и сделать серьезным разговор.

Это «что-то» у нас сейчас есть. В 1992 году С. Филатов, Л. Воронцова и автор данной работы провели всероссийский опрос (в Москве, Пскове и еще восьми городах), целью которого было выяснение динамики мировоззренческих ориентации (прежде всего отношения к религии) российских граждан. Опрос (его результаты будут вскоре опубликованы) охватил около двух тысяч человек, среди которых было 40 евреев. Различие их ответов и ответов русского «подавляющего большинства» демонстрирует определенную логику, соответствующую во многом картине мировоззренческих особенностей евреев диаспоры, известных из множества западных, прежде всего американских, исследований. Разумеется, 40 человек — это крайне мало. Но это все-таки — «что-то», какая-то зацепка, позволяющая говорить о массовом сознании российских евреев не только на основе впечатлений от общения с нашими друзьями и знакомыми.

САМОЕ УДИВИТЕЛЬНОЕ, на мой взгляд, что бросается в глаза, когда мы рассматриваем наши данные (как, хотя и в меньшей степени, и данные, относящиеся к еврейским общинам других стран), — это несоответствие между очень незначительными отличиями реального содержания культуры евреев от культуры этнического большинства и значительно большими различиями в психологии и ценностных ориентациях.

Еврейской культуры у нас практически нет, отчасти она умерла сама, отчасти была уничтожена. Стержнем этой культуры, тем, что позволило евреям сохраниться как этнос на протяжении их тысячедевяти-тисотлетнего «изгнания» и «рассеяния», что неизменно спланивало разбросанные на громадных расстояниях еврейские общины, жившие в совершенно разных условиях и говорившие на разных языках, и в то же время отгораживало их от соседей, была религия — не только особая, отличная от других, но и постулирующая сакральную ценность принадлежности к «избранному народу», к «семени Авраама, Исаака и Иакова». Поэтому в условиях секуляризации, утрачивая религиозную веру, евреи быстро теряют и свою культуру (мы здесь не говорим о новой культуре, созданной в Израиле).

Этот общий процесс усугублялся в советской России такими дополнительными факторами, как принудительный атеизм, полуофициальный антисемитизм послевоенного периода, препятствовавший всем проявлениям еврейской культурной жизни и еврейского самосознания, и вполне официальный «антисионизм», препятствовавший связям с Израилем, которые «подпитывают» еврейские культуру и самосознание в других странах. Из данных переписи 1989 года видно, что- из 537 тысяч евреев, живших в Российской Федерации, считали родным «язык своей национальности» только 47 тысяч, причем для большинства из них это было чисто, «идеологическим» утверждением, поскольку знали этот «родной» язык только 19,5 тысячи. Наши данные также показывают крайнюю «русифицированность» российских евреев, читающих те же книги, любящих то же искусство, подверженных тем же идейным «волнам», что и русские. Так, при ответе на вопрос, «какая история и культура представляет для Вас наибольший интерес?», культуру дореволюционной России выбрали 47,8 процента русских и 42,5 процента евреев, культуру советского периода — 17,5 процента евреев и 10,7 процента русских. Реальный интерес к русской культуре у евреев — даже больший, чем у русских (что связано, очевидно, с более

высоким образовательным уровнем). Так, евреи чаще, чем русские, указывают в качестве своих любимых писателей Л. Толстого (соответственно 22,5 и 15,2 процента), М. Лермонтова (10 и 3,5 процента), И. Бунина (7,5 и 4,2 процента), А. Чехова (20 и 7 процентов), Ф. Достоевского (7,5 и 4,5 процента) и даже, несмотря на наличие определенных тенденций, принимаемых в еврейской среде за антисемитские, А. Солженицына (7,5 и 4,7 процента) и В. Распутина (7,5 и 2,3 процента), но реже — А. Дюма (7,5 и 18,1 процента), А. Кристи (5 и 8,5 процента), Дж. Чейза (7,5 и 12 процентов). Однако наиболее отчетлива эта русификация видна в отношении к религии.

Религиозность сейчас, особенно в интеллигентской среде, — это прежде всего новая религиозность, результат идейных и культурных процессов позднесоветской, перестроечной и постперестроечной эпох. И русские и евреи оказались «под волной» более или менее серьезных «обращений». К какой же религии обращаются русские евреи? Поразительным (хотя и вполне соответствующим, например, моим личным впечатлениям) результатом нашего опроса оказалось то, что лишь 3 человека из 40 (7,5 процента) назвали себя иудаистами, а 10 (25 процентов) — христианами, в том числе двое (5 процентов) — православными, остальные — «христианами вообще», без конфессиональной самоидентификации. Более того, положительное отношение к иудаизму выразили только 27,5 процента евреев, отрицательное — 5 процентов. (Для сравнения — среди русских соответствующие цифры — 17,6 и 7,2 процента.) Такой картины превалирования христианства над иудаизмом не существует ни в одной еврейской общине, это — «достижение» советской власти, на протяжении всего послевоенного периода систематически уничтожавшей еврейскую культуру.

Разумеется, наши данные нуждаются в проверке. Вполне возможно, дай мы, например, в числе возможных ответов на вопрос о наиболее интересной культуре ответ «еврейская культура», кто-нибудь из опрошенных евреев выбрал бы именно такой ответ. Возможно, иудаистов среди евреев не 7,5 процента, а несколько больше (впрочем, может быть, и еще меньше). Но ясно, что еврейской культуры, которая выражалась бы в каких-то реальных, «материальных» элементах — языке, обычаях, песнях и т. д., — у нас практически нет. Откуда же берутся те довольно значительные отличия в ценностных ориентациях, которые обнаруживают евреи и о которых мы будем говорить дальше?

Возникает очень странная картина. При общей утрате еврейской культуры принадлежность к евреям стала вроде бы в громадной мере формальной. Она сводится к таким вещам, как отметка в паспорте, фамилия, внешность (а это тоже признак формальный, «внешний»). Тем не менее психологическое значение такой формальной Принадлежности очень велико. Что же создает это психологическое значение? Как мне кажется, его создают значительно более медленные, чем те, с которыми у нас разрушалась еврейская культура, темпы отступления антисемитизма и еще более медленное осознание этого отступления и ослабление порожденных антисемитизмом страхов.

В нашем опросе респондентам был предложен перечень народов, по отношению к которым они должны были выразить положительное или отрицательное отношение. Положительные оценки всегда преобладали над отрицательными. Тем не менее вырисовывается определенная «иерархия народов», существующая сейчас в российском сознании. Для русских на первом месте, разумеется, сами русские. Положительное отношение к самим себе высказывает 84 процента, отрицательное — 0,8 процента. Очень хорошо сейчас относятся русские к немцам (60,7 процента заявляют о положительном отношении, 3,4 процента —

об отрицательном). К евреям отношение — хуже, чем к немцам (49,9 и 10,6 процента), хотя значительно лучше, чем к армянам (43,3 и 18,2 процента) и особенно к азербайджанцам (38,9 и 21,9 процента). Таким образом, какого-то массового антисемитизма опросы не фиксируют (здесь наши данные совпадают с данными других аналогичных опросов), и еврейский погром представляется менее реальным, чем какой-нибудь «кавказский».

Но одно дело — реальность угрозы погрома или дискриминации и совсем иное дело — восприятие этой угрозы. Прежде всего мы должны учитывать, что, хотя антисемитизм сейчас распространен меньше, чем «антиазербайджанизм», существует очень небольшое (конечно, не 10,6 процента, а значительно меньше) меньшинство, для которого антисемитизм — ядро большого и прочного мифологического комплекса (чего нет в «антиазербайджанизме»), и «громогласность», убежденность, фанатичность этого меньшинства ведут к систематической переоценке его размеров и значения. Кроме того, данные, говорящие об объективных масштабах антисемитизма, появились лишь в последнее время, а до этого сочетание полуофициального антисемитизма и полной «закрытости» России для объективных социологических исследований приводило к систематическому завышению его размеров.

Если, однако, масштабы антисемитизма вполне могли быть завышены и «посторонним наблюдателем», то тем более они завышались и завышаются самими евреями. Ведь восприятие ими угрозы антисемитизма обуславливается и памятью о прошлом. А прошлое евреев, начиная с падения Второго храма и кончая прекратившейся лишь с перестройкой официальной «борьбой с сионизмом», — это сплошная цепь преследований и унижений (включая и такое «ультрапреследование», как гитлеровский геноцид). Поэтому угроза антисемитизма в значительно большей мере определяет сознание евреев, чем, может быть, даже более реальные угрозы определяют сознание других нацменьшинств.

И поскольку для антисемита (во всяком случае — настоящего, «серьезного») еврей — всегда еврей и о гитлеровском геноциде, погромах и борьбе с сионизмом знают все, то антисемитизм — это фактор, присутствующий в жизни любого еврея, каким бы «формальным» евреем он ни был. Фактор этот присутствует и объективно, ибо любой еврей сталкивался с антисемитизмом, и субъективно, как сложный психологический комплекс, порожденный им в еврейском сознании, как сильнейшая «антисемитофобия» (разумеется, не «руссофобия», ибо говорить о руссофобии людей, которым русская культура чуть ли не ближе, чем русским, трудно), доходящая до страха назвать себя евреем, или даже произнести слово «еврей» перед незнакомыми людьми. И; как любая угроза и фобия, антисемитизм и «антисемитофобия» порождают и сознательные и бессознательные, инстинктивные, стратегии борьбы с ними.

На мой взгляд, сейчас, когда иудаизм и любые другие элементы еврейской культуры перестали быть реальным фактором в жизни евреев (особенно российских), когда какой-либо зримой еврейской культуры практически уже нет, этот комплекс и является основной силой, порождающей особенности психологии и ценностных ориентации евреев. Рассмотрим эти особенности и те «стратегии», порождением, и проявлением которых они являются.

НАШ ОПРОС ПОКАЗАЛ значительные различия в образовательном уровне еврейского меньшинства и русского большинства. Лиц с неполным средним образованием в нашей выборке среди русских было

8,1 процента, среди евреев — 0 процентов, со средним и средним специальным образованием среди русских — 41,9 процента, среди евреев — 30 процентов, высшим — соответственно 38,4 и 60 процентов, ученой степенью — 0,6 и 10 процентов. Несмотря на все препоны, создававшиеся советским антисемитизмом, на ограничения при приеме во все вузы и просто невозможность для евреев поступить в некоторые, наиболее престижные из них, евреи — значительно, на порядок образованнее русских, что объяснимо лишь громадной, преодолевающей все препоны тягой к образованию. Равных масштабов тяги к бизнесу, «денежным» профессиям из нашего опроса не видно. Хотя евреи значительно чаще, чем русские, выбирают как наиболее предпочитаемые профессии писателей, ученых, врачей, особого стремления стать бизнесменами они не проявляют. Однако, когда речь идет не о себе, а о детях, профессию бизнесмена выбирают 18,6 процента русских и 30 процентов евреев.

Откуда эта тяга к образованию и (в меньшей степени) к «денежным», «буржуазным» профессиям, которую проявляют евреи во всех странах с начала эмансипации, что привело к тому, что их культурная и экономическая роль везде выше их удельного веса в населении?

В какой-то мере, очевидно, она объясняется воздействием, «следом» еврейского прошлого, прошлого иудаизма, гетто и особой, замкнутой культуры. Иудаизм — религия Писания, в которой знания имеют громадное значение, и когда в еврейских гетто и местечках молодой талмудист женился на дочке богача, не богач оказывал ему милость, а он сам оказывал честь богачу, поднимая его социальный статус. В ходе секуляризации это почтение к талмудической учености легко переходит в высокий престиж светских науки и образования. Такими же «следами» прошлого можно объяснить в какой-то мере и роль евреев в бизнесе^ ибо в средние века евреи с их громадной диаспорой, естественно, сосредоточивали в своих руках финансы и торговлю и при эмансипации и начале буржуазного развития имели, таким образом, хорошие стартовые возможности.

И все же, как мне кажется, эти «следы» прошлого сами по себе не могут полностью объяснить профессиональных и образовательных предпочтений евреев. Воздействие прошлого усиливается и закрепляется уже новой реальностью, тем, что можно определить как уход от антисемитизма путем перемещения в безопасное социальное положение.

Прежде всего образование и создаваемый им и деньгами высокий социальный статус делают человека относительно защищенным, оскорбить его становится опасным. Личные достижения и социальная значимость такого человека компенсируют его национальную «неполноценность» и «ущербность». Кроме того, антисемитизм значительно более свойственен темным социальным низам, чем образованным слоям населения (в нашем опросе положительное отношение к евреям высказали 49,9 процента всех русских, в том числе 60 процентов лиц с высшим образованием, отрицательное — соответственно 10,6 и 9 процентов). Антисемитизм и «антисемитофобия» подталкивают еврейскую социальную мобильность, ибо восхождение по социальной лестнице — это еще и бегство от антисемитизма.

Является ли такая стратегия успешной? Безусловно, ибо евреи действительно достигают более высокого и относительно безопасного социального положения. (Мы уже не говорим о громадном творческом порыве и грандиозном культурном вкладе, связанных с этой мотивацией, которая, похоже, ослабляется в Израиле.) И в то же время такая стратегия имеет и свои отрицательные следствия, ибо успехи евреев вызывают зависть, а их концентрация в престижных и социально «важ-

ных» профессиях дает пищу для антисемитской мифологии. Поэтому, выигрывая каждый в отдельности при социальном восхождении, евреи одновременно могут проиграть все вместе, делая свое положение как общины более опасным. Так бурный рост антисемитизма в 20—30-е годы в Европе и США был, несомненно, связан, во-первых, с наплывом евреев из Восточной Европы и, во-вторых, с их быстрой социальной мобильностью, что создавало ощущение «еврейского завоевания». Если бы социальная мобильность создавала безопасность, то евреи в Веймарской республике могли бы ощущать себя в безопасности. Поэтому стратегия перемещения в безопасное социальное положение полностью дать желаемых результатов не может.

СТАЛКИВАЯСЬ С ВРАЖДЕБНОЙ (или потенциально *враждебной*, или воспринимаемой как враждебная — в данном контексте это не столь важно) средой, маленькая этническая группа компенсирует свою слабость, стремясь достичь относительно безопасного социального положения, как бы «вооружаясь» знаниями, деньгами, статусом. Тем самым умеряется постоянное чувство угрозы, успокаивается постоянная тревога. Но есть и другой способ уйти от угрозы и тревоги — это просто уйти от чужих, быть наедине со своими, с теми, кто нести эту угрозу и вызывать эту тревогу не может. В средние века еврейские гетто были не только пространством, куда загоняли евреев — тогда еще не антисемиты, а просто христиане, «антииудаисты», — но и пространством, где евреи могли «расслабиться», «отдохнуть» от психологического груза контактов с враждебными и господствующими иноверцами.

И когда гетто (а затем, много лет спустя, и черта оседлости в России) были уничтожены и устремившиеся на свободу евреи столкнулись уже не с религиозной нетерпимостью (которая в некотором роде — «рациональна», понятна и привычна), а с новой, более скрытой, но и более злойшей угрозой антисемитизма, возникла серия движений, цель которых — «уйти от чужих», но уже не в гетто, а на какую-то землю, обретение которой сделает евреев «нормальным» народом, имеющим, как и все народы, свой дом. Стремление к «своей земле» — это стремление «уйти от чужих» и одновременно — стать такими же, как эти «чужие», стать «как все», избавиться от той особой ситуации, которая для религиозного сознания — свидетельство «избранности» и компенсируется «обетованиями», а для секулярного — скорее вызывает ощущение «неполноценности». Из этих движений (памятником одному из них продолжает быть Еврейская АО с центром в Биробиджане) жизнеспособным и действительно добившимся своей цели оказался лишь сионизм, соединивший идею «своего дома» не с какой-то произвольно выбранной территорией, а с «обетованной землей».

Первая стратегия, стратегия социального восхождения — по сути своей индивидуалистическая (хотя, конечно, при социальном восхождении люди могут и помогать, «своим»), вторая — национальная, коллективистская. Первая — это стратегия именно восхождения, вторая зачастую связана с социальным нисхождением, с потерей человеком социального статуса и позиций, которые как бы обмениваются на радость от спокойной жизни, без угрозы антисемитизма, среди «своих», и от сознания, что ты способствуешь подъему своего народа, обретению им «нормального» положения. Создавшие Израиль сионистские колонисты были интеллигентами или мелкими буржуа, шедшими на немислимые жертвы и лишения — на жизнь в чужой и непривычной стране, которую надо было заставить себя полюбить, на приучение себя к чужому и непривычному языку, который надо было не только вое-

кресить из мертвых, но и заставить себя ощутить родным, на превращение из журналиста или адвоката в крестьянина и солдата. Это — принципиально иная система мотивов и действий, чем мотивы и действия какого-нибудь бедного ремесленника, который экономит на всем, чтобы послать сына учиться на того же журналиста или адвоката, и вдальбливает ему, что, если он хочет выжить в этом мире, он должен работать лучше, чем «гои». Но за обеими этими системами мотивов и действий стоит одно глубокое желание — убежать от антисемитизма.

Сейчас и этот великий порыв, приведший к созданию Израиля, и основные трудности, связанные с ним, — позади. Переезжающий в Израиль переезжает не в пески и болота, а в предоставляемую ему еврейским государством квартиру. Тем не менее и сейчас это дело сложное, трудное и почти всегда связанное с потерей приобретенного социального статуса. Но люди, причем люди, часто не имеющие никакого представления о еврейской истории, культуре и религии, идут на эти трудности, повторяя в предельно «смягченной» форме то, что совершили ранние сионистские поселенцы и побуждаемые теми же стремлениями — уйти от угрозы и тревоги в мир «своих». При этом именно Россия, которая в своей ипостаси СССР так активно боролась с сионизмом, и прежде всего — именно из-за этого, стала основным (и, очевидно, последним) резервом сионистской колонизации, страной, которая, как ни одна другая, помогла и помогает Израилю, долго изображавшемуся чуть ли не ее главным врагом.

Успешна ли эта стратегия, стратегия «ухода к своим»? Она, безусловно, успешна, поскольку привела к созданию и укреплению еврейского государства, появлению фактически нового израильского этноса, и для евреев диаспоры (в том числе сейчас уже и России) дала ощущение, что «за их спиной», как и «за спиной» большинства других меньшинств, стоит государство, которое в трудный момент может стать для них убежищем и сделает все возможное, чтобы им помочь. Но и в этой стратегии есть своя «оборотная сторона».

Во-первых, эта стратегия подразумевает отказ от страны и культуры, которые фактически являются твоими, и приобщение к культуре и стране, в значительной степени — чужим, где ты в какой-то мере обречен на маргинальное, неопределенное положение, аналогичное тому, от которого ты бежал. (В этом отношении, как это ни парадоксально, положение ранних сионистских поселенцев было лучше, ибо все они были приезжими, сейчас же в Израиле есть мощное ядро «настоящих» израильтян, сабра, для которых, при всем идеологическом сионизме, приезжий все же — маргинал и как израильтянин — неполноценный.) Во-вторых, положение Израиля, окруженного арабо-мусульманским морем, во всяком случае, до последнего времени создавало почву для воспроизводства в нем в новой форме того же еврейского психологического комплекса изолированности и маргинальности, ощущения угрозы со всех сторон (Израиль многими воспринимался как новое гетто, куда добровольно загнали себя евреи, а арабы — как новые гитлеровцы, которые это гетто старались уничтожить). В-третьих, сами успехи Израиля дают почву для антисемитской мифологии, изображающей сионизм идеологией стремления к мировому господству, а Израиль — центром мирового заговора, а также основание для обвиненной евреев в том, что они — как бы агенты иностранного государства.

ОКАЗАВШИСЬ ВО ВРАЖДЕБНОЙ СРЕДЕ, можно стремиться усилиться, занять безопасную социальную позицию. Можно стремиться уйти от этой среды к «своим». Но можно избрать и третий путь -

стать «невидимым», раствориться в этой среде, слиться с ней. Если при второй стратегии люди стремятся утвердить свою национальную идентичность и таким образом стать «как все», стать народом, как другие народы, у которых эта национальная идентичность — очевидна, то третья стратегия направлена как раз на полную ликвидацию своей национальной идентичности, на то, чтобы не «стать, как все», а стать этими «все». Это — стратегия целенаправленной ассимиляции.

Она может принимать и комические (или трагикомические), и трагические формы. Скорее комические формы этой стратегии — это попытки евреев скрыть свою национальность, меняя фамилии, принимая русскую фамилию жены при смешанных браках, добиваясь обязательно русской национальности в паспорте для детей от этих браков (некоторые из них потом мучаются, доказывая свое еврейское происхождение, чтобы попасть в Израиль), и т. д. и т. п.

Особую и тоже достаточно гротескную форму этой стратегии являет «феномен Жириновского». Человек, безусловно, страдает от своего «псевдоеврейства», унаследованного с фамилией и отчеством от отца, которого он и не знал. Он, очевидно, искренне считает себя неевреем и действительно по всем «нормальным» основаниям он — не еврей. Но причисление к евреям идет не по «нормальным» основаниям. Для антисемитов Жириновский — все равно еврей и наверняка он сталкивался в своем трудном детстве, так ярко им описанном, с тем, что дети его дразнили. И на всю жизнь это незаслуженное «псевдоеврейство» осталось тем, что он пытается преодолеть, став «более русским, чем все русские». Отсюда — и экстремизм, и эпатаж, временами доходящий до шутовства.

Но далеко не всегда эта стратегия проявляется в таких гротескных формах. Она может воплощаться и в очень глубоких, искренних и мучительных попытках людей, глубоко проникнутых, русской культурой, для которых еврейский мир — чужой, навязываемый им средой, доказать себе и другим, что еврейское происхождение, случайность рождения, не может обуславливать идейных выборов человека, который по сути своей — русский, что оно в некотором роде — преодолимо.

Очевидно, в значительной мере эта стратегия проявляется и в бурной христианизации российских евреев. Прежде всего, разумеется, христианизация — естественный процесс, показатель далеко зашедшей ассимиляции, вовлеченности в общероссийскую культурную эволюцию. Но в нем, особенно в обращениях в православие и в появлении заметной группы евреев — православных священников и активных мирян, есть и элемент волевого и символического акта, преодолевающего еврейство, зачеркивающего его, демонстрирующего себе и другим, что хотя ты и еврей, прежде всего — православный и поэтому, опять-таки в некотором роде, — более русский, чем другие русские. Такую позицию занимал никогда не скрывавший своего еврейского происхождения отец Александр Мень. Я знаю одного православного священника, очень ортодоксального (не либерала, как отец Александр), кандидата филологических наук, ставшего священником еще в брежневские времена и служащего до сих пор в деревенской церкви. Он не только не скрывающий своего еврейства еврей; у него в Израиле — сын вроде бы убежденный сионист и даже какой-то местный деятель. Можно представить себе, через что пришлось пройти этому человеку и какова должна быть его любовь ко всему русскому и желание утвердить ее решительным и волевым актом, слившись с русским миром.

Но естественно, что и в этой стратегии есть свои негативные аспекты. Прежде всего — то, что на «настоящих» антисемитов она не действует. Для них, повторим, еврей — всегда еврей, и если уж даже

Б. Ельцин объявляется ими евреем Эльценом, то настоящего еврея они найдут и под русской фамилией. Более того, наличие «неявных» евреев и евреев, ставших православными, укрепляет антисемитскую паранойю—«евреи — везде и всюду». Я лично вполне допускаю вероятность того, что гибель отца Александра связана как раз с тем, что для антисемитов он был воплощением еврейской угрозы — евреем, который проник в русское «святая святых» и разлагает церковь изнутри. Избравший такую стратегию еврей становится вдвойне маргиналом — он все же еврей для антисемитов и уже не еврей для евреев. Имена и фамилии типа Иван Аронович Иванов вызывают усмешку и у русских, и у евреев. Жириновский так никогда и не избавится от своего «отца-юриста», но одновременно он—пугало для евреев. Отец Александр был евреем для антисемитов, но для Израиля он перестал быть евреем (по законам Израиля еврей-атеист — это еврей, но еврей, перешедший в другую веру, уже не может считаться евреем). Кроме того, всегда сохраняются какие-то сомнения, действительно ли ты поступаешь правильно, не совершаешь ли ты что-то вроде предательства «своих».

ЧЕТВЕРТОЙ СТРАТЕГИЕЙ является стратегия борьбы за политическое и идеологическое переустройство общества, делающее его безопасным от антисемитизма. Общество — не однородно. В нем есть опасные антисемитские силы, есть люди безразличные и есть люди, настроенные дружелюбно и сочувственно. Меньшинство может не уходить от борьбы, а активно включиться в нее в союзе с другими силами.

Для евреев, средневековое прошлое которых — это эпоха гетто и преследований, а освобождение наступает с эпохой секуляризации и просвещения, активная борьба за переустройство общества всегда была сопряжена с принятием, поддержкой и даже созданием прогрессистских, рационалистических и интернационалистских форм идеологии и борьбой с обращенными к прошлому идеологиями национализма и клерикализма. Везде, во всем мире роль евреев в прогрессистских и революционных движениях всегда была совершенно не пропорциональна их удельному весу в населении. В истории России, очень долго сохранявшей строй позднесредневековой абсолютной монархии и неравноправие евреев, революционные идеологии пользовались в еврейской среде особым успехом, и роль евреев в нашей революции была особенно велика. Проявляется Ли эта активистская стратегия сейчас, во время нашей второй, антикоммунистической революции? Естественно, проявляется, ибо эта стратегия, как и три других, имманентна самому положению евреев, но проявляется в совершенно иных формах.

В нашем опросе прогрессистски-рационалистические тенденции в мировоззрении евреев видны прежде всего в том, что религиозная волна все же затрагивает их меньше, чем русских, и атеистов среди них — больше. Среди русских в нашей выборке атеистов оказалось 8 процентов, среди лиц с высшим образованием — 10 процентов, а среди евреев—соответственно 20 и 22,5 процента. На вопрос, что может спасти человечество, ответ «прогресс, развитие науки и техники» выбрали 52,5 процента евреев и только 37 процентов русских.

Политические позиции, связанные с традиционализмом и реставрационными тенденциями в мировоззрении, отвергаются евреями в большей степени, чем русскими, поскольку ассоциируются с угрозой антисемитизма. Так, с тем, что государство должно давать преимущественные права традиционным религиям, согласились 14 процентов русских и 5 процентов евреев; с тем, что Ельцин предоставляет слишком много привилегий Московской патриархии — 6 процентов русских и

12,5 процента евреев; положительное отношение к идее монархии высказали 9,8 процента русских и 7,5 процента евреев (отрицательное — 40,4 процента русских и 65 процентов евреев); положительное отношение к возрождению казачества — у 34,4 процента русских и 15 процентов евреев (отрицательное — соответственно у 10,6 и 37,5 процента).

Значительно более негативным, чем у русских, является и отношение евреев к идее сильного, централизованного Российского государства, обладающего мощной армией и ведущего активную внешнюю политику. Так, с тем, что надо любыми средствами восстановить СССР, согласились 16,8 процента русских и 7,5 процента евреев; с тем, что, наоборот, союз республик вообще не нужен, — 18,8 процента русских и 25 процентов евреев. С тем, что «единство и целостность России не имеют самостоятельного значения и если отдельные нацменьшинства и регионы хотят выделиться, это их право», — 8,7 процента русских и

12,5 процента евреев. С тем, что «Россия должна защищать интересы русских в других бывших республиках СССР любыми средствами, вплоть до применения военной силы и изменения границ», — соответственно 20,3 и 10 процентов. С тем, что, наоборот, «Россия не должна вмешиваться во внутренние дела других независимых государств даже, если там нарушаются права русских», — 4,8 и 17,5 процента.

Отталкивание евреев от «чреватых» антисемитизмом идей и образов «великой России», видимо, естественно. Но это, так сказать, негативный аспект политической идеологии. Что же является ее позитивным аспектом?

В начале века для многих евреев позитивный идеал был связан с идеей социализма, при котором национальные проблемы, считалось, отомрут сами собой. Сейчас, после того как коммунистическая идеология продемонстрировала способность к националистической и антисемитской мутации, евреи отвергают коммунистические и марксистские идеи еще резче, чем русские. Так, слово «марксизм» вызывает отрицательные эмоции у 50,4 процента русских и 62,5 процента евреев, слово «социализм» — у 41,7 процента русских и 62,5 процента евреев.

Роль положительного идеала сейчас взяло на себя не утопическое общество будущего, а реальное западное общество, продемонстрировавшее свою способность справиться с антисемитизмом (хотя совершенно очевидно, что это реальное общество разукрашивается в несколько утопических тона). Наиболее модные сейчас лозунги — рынок и демократия. С тем, что рынок — самая эффективная форма хозяйства, к которой надо как можно скорее прийти, несмотря на все издержки, согласились 22,1 процента русских и 35 процентов евреев. С тем, что на Западе создано лучшее из возможных обществ и нам надо следовать за Западом, — 13,2 процента русских и 52,5 процента евреев. С тем, что Россия должна искать свои пути, — 72 процента русских и 52,5 процента евреев. С тем, что в условиях кризиса надо и дальше развивать демократию и гласность, — 32,5 процента русских и 47,5 процента евреев. С тем, что, наоборот, надо установить порядок и твердую власть, «даже если для этого придется ограничить демократию», — 41,6 процента русских и 27,5 процента евреев.

Такие «рыночно-демократические», «западнические» тенденции в мировоззрении обуславливают и партийные предпочтения. По нашим данным (напоминаем, что речь идет об осени 1992 года и что очень небольшое число евреев-респондентов, естественно, в какой-то мере может искажать реальную картину), компартии симпатизировали 4,6 процента русских и 0 процентов евреев, РОС — 1,2 процента русских и 0 процентов евреев, монархистам — 0,8 процента русских и 0 процентов евреев, «Памяти» — 0,5 процента русских и 0 процентов евреев.

Наоборот, «Дем. России» — 7,4 процента русских и 12,5 процента евреев, Движению демократических реформ — 4 процента русских и 17,5 процента евреев. Б. Ельцину высшие оценки по пятибалльной шкале дали 33,8 процента русских и 45 процентов евреев, Ю. Афанасьеву — соответственно 8,2 и 10 процентов, с другой стороны, В. Алкс-нису — 4,7 и 0 процентов.

Перед нами, таким образом, возникает на первый взгляд картина чуть ли не идеально демократического и «западнического» национального меньшинства. Однако это не совсем так. Дело в том, что демократизм этот в какой-то мере — производное от «антисемитофобии», демократия поддерживается не только и, может быть, даже не столько потому, что она — демократия, но потому, что альтернатива ей — режим с антисемитским идеологическим оттенком. Если же недемократический режим не обладает этим специфическим русско-националистическим и антисемитским оттенком, отношение к нему иное.

Как это ни странно, в ответах на ряд задававшихся нами вопросов евреи демонстрировали не больший, а меньший демократизм, чем русские. Так, процент евреев, согласившихся с тем, что резкая критика властей (включая президента) в средствах массовой информации — нормальное явление, — меньше, чем русских (60 и 70,6 процента). С тем, что «сильный лидер, которому народ доверил и вручил власть, — выше законов, ибо законы часто несовершенно», согласились 17,5 процента русских и 20 процентов евреев. С тем, что «наша страна добьется успехов только тогда, когда власти будут скрупулезно соблюдать закон и Конституцию», — 60,7 процента русских и 45 процентов евреев. С тем, что «главное — избранный народом президент, на какое-то время мож-но обойтись и без парламента», — 29,6 процента русских и 32,5 процента евреев.

Откуда же берутся эти недемократические тенденции, столь резко контрастирующие с только что заявленной приверженностью демократическим ценностям? Ясно, что их причина — «сверхреакция» на угрозу антисемитизма.

Ситуация конца 1992 года — это ситуация наметившегося противостояния Б. Ельцина с парламентом, причем Ельцин мыслился как радикальный западник-реформатор, а вокруг парламента начинали сосредоточиваться силы, относительно консервативные и с некоторым националистическим оттенком. В этой ситуации многие евреи выбрали не принцип законности и демократии, а лучше гарантирующую, как им кажется, от антисемитизма сильную власть президента-западника. Адекватна ли эта реакция? И поставим вопрос шире — насколько достигает эффекта четвертая из рассматриваемых нами стратегий, стратегия переустройства общества?

Разумеется, нельзя отрицать ни громадного вклада евреев в демократическое развитие всего мира и России, ни глубокой взаимосвязи борьбы за демократию с борьбой с антисемитизмом, ни факта постепенного усиления демократии и отступления антисемитизма во всем мире. Тем не менее, когда демократия становится не самоцелью, а стратегией борьбы с антисемитизмом, а «сверхреакция» на антисемитизм начинает заслонять собственно демократизм, обязательно возникает эффект «бумеранга», наносящий вред и демократии, и самим евреям.

Вспомним ситуацию первого российского революционного цикла (подробнее см. Д. Фурман. Революционные циклы России.—«Свободная мысль», 1994, № 1.— *Прим. ред.*). Большинство политически активных евреев выступило тогда на стороне революции, провозглашавшей интернационалистический идеал, но одновременно устанавливавшей тоталитарный строй. Страх перед националистическими потенциями и

тенденциями белого движения, страх перед всем, что имеет или даже может иметь антисемитский оттенок, оказался для многих из них сильнее приверженности к демократии, которая должна бы была вести к поддержке каких-либо умеренных «белых», но уж никак не большевиков. Но те, кто шел в бой «за царя, за Родину, за веру», казался опасным, а большевики, певшие «Интернационал», поклонявшиеся Карлу Марксу и предводительствуемые такими людьми, как Л. Троцкий, опасений не вызывали.

Между тем, оглядываясь назад, с позиций опыта 75 лет советской власти, мы видим, что для российских евреев большевизм был ловушкой, устроенной в определенной мере и их собственными руками. При «белых», несомненно, не могло быть столь большой роли евреев в политической элите, как при «красных» в 20-е годы. Но практически несомненно также, что при победе «белых» Россия скорее встала бы на демократический путь развития, и укрепление демократии постепенно заставило бы отступить антисемитизм, как это произошло в других странах. (Мы уже не говорим о том, что победа в России «белых» скорее всего сделала бы невозможным приход в Германии к власти Гитлера.)

Наоборот, большевистский тоталитаризм, несмотря на интернационализм ранней большевистской идеологии, в конце концов трансформировался в имперскую идеологию с сильными русско-националистическими и антисемитскими нотками, достигшими крайней интенсивности в позднесталинскую эпоху. При этом, пострадав от унижений и дискриминаций при большевиках, евреи продолжали оставаться объектом ненависти для антибольшевистских антисемитов в эмиграции и советском «духовном подполье», для которых Октябрьская революция представлялась делом рук евреев, а 20-е годы — периодом еврейского «шабаша». Таким образом, поддержка евреями большевиков, хотя и была естественна и эмоционально вполне понятна, все же отнюдь не явилась следствием глубокого усвоения демократических ценностей и — если вообще допустимо употребление такого термина по отношению к движениям широких народных масс — была «ошибкой».

На мой взгляд, в очень смягченной форме (во втором нашем революционном цикле все оказывается более мягким) ту же логику в отношении большинства евреев к политической борьбе мы видим и в 1989—1993 годах. Разумеется, М. Горбачев — не антисемит, но в конфликте с Б. Ельциным и радикалами он олицетворял старую, традиционную власть, за сохранение которой выступали и те, для кого демократия — это не что иное, как «еврейские происки». Не был антисемитом и А. Руцкой, «почетный гражданин Израиля». Но у него имелись «патриотические» и, следовательно, потенциально антисемитские нотки, под его знамена пришли многие российские националисты, а среди защитников Белого дома оказались и убежденные антисемиты и фашисты. Поэтому, хотя логика демократических убеждений должна была вести скорее к поддержке горбачевской стратегии постепенной трансформации СССР, а не беловежских соглашений, противоречащих воле большинства и недемократических по сути своей, а затем — скорее Белого дома, парламентаризма и Конституции, «логика чувств» диктовала прямо противоположное, как она в свое время диктовала евреям поддержку «красных», а не «белых». Не попали ли российские евреи снова в ту же ловушку, что и в 1917 году?

Очевидно, конечно, что ничего равного по силе антисемитизму позднесталинской эпохи в России уже не будет. И тем не менее, похоже, что в ближайшее время антисемитизм будет усиливаться. Здесь действует та же логика, что действовала и в советскую эпоху. Сильная, а если и не сильная, то, во всяком случае, освободившаяся от демократи-

ческого контроля власть, приобретает все более «национальный» и «имперский» характер. Слова «Россия—великая держава» сейчас не сходят с уст ее представителей, и очень похоже, что оброненная М. Полтораниным фраза о «лагерном иврите», господствующем в средствах массовой информации,— не случайность, не оговорка, а один из симптомов той же эволюции, которая привела к появлению на знамени демократии сначала просто двуглавого орла, а потом и корон на его головах. С другой стороны, для противников президентской «демократической» партии она остается «антинациональной» (а для наиболее экстремистски настроенных из них, не допускающих мысли, что все зло последних лет могли причинить русские, Ельцин, как уже говорилось,— Эльцен). Реакция на ельциновскую политику привела к голосованию значительной части избирателей за В. Жириновского и Г. Зюганова. «Процесс пошел», и, подобно тому, как раньше шло соревнование между политиками в «демократизме», сейчас все наперебой пытаются перехватить друг у друга «патриотические» лозунги. Почва для антисемитизма сейчас, безусловно, более благоприятна, чем несколько лет назад, и в какой-то мере она так же создавалась руками евреев-демократов, как для сталинского антисемитизма — руками евреев-большевиков.

Таким образом, и эта стратегия, поскольку она — стратегия, ведет к далеко не однозначным следствиям.

МЫ ОБРИСОВАЛИ ЧЕТЫРЕ «полуинстинктивные» стратегии, используемые евреями для ухода от антисемитизма,— 1) не меняя общих условий, добиться компенсирующего еврейское происхождение и безопасного социального положения для себя и своей семьи; 2) уйти от угрозы к «своим»; 3) слиться с окружающим народом, от которого (или от части которого) исходит угроза; 4) активно бороться в союзе с другими силами за ликвидацию угрозы.

Ясно, однако, что в чистой и яркой форме, в которой они взаимоисключают друг друга (нельзя же одновременно стремиться к полной ассимиляции в господствующем народе и к полнокровной жизни в Израиле, как нельзя стремиться к карьере в данном обществе и в то же время низвергать его), эти стратегии встречаются очень редко. Люди, которые всей своей жизнью воплощали бы какую-то одну из них — вроде Бен-Гуриона, Троцкого, Ротшильда и Жириновского,—редчайшие исключения (да и они далеко не полностью воплощение одной идеи).

Значительно чаще на протяжении своей жизни человек несколько раз переходит от одной доминирующей стратегии к другой. Очень многие сионисты ранней, «героической» эпохи начинали как российские революционеры, но, столкнувшись с погромами (или погромными настроениями), в конце концов становились сионистами. Были и другие-переходы, например, от революционной деятельности — к наживанию денег (Н. Утин, глава русской секции Первого Интернационала, ставший дельцом) и т. д., и т.п. Нечто подобное мы видим и сейчас. Человек может начать успешную карьеру в Москве, потом все бросить и уехать в Израиль и т. д.

Еще чаще (даже не чаще, а практически всегда) люди пытаются соединить логически противоречащие друг другу, но вполне уживающиеся в одном сознании, во всяком случае, в «приглушенном», не ярком виде, стратегии. Например, переезд из России в США способен преследовать сразу несколько целей. Человек может надеяться, что в этой стране «великих возможностей» он сделает лучшую карьеру, чем в России. Но, кроме того, в США — большие, свободные и сплоченные еврейские общины, и он сможет стремиться одновременно к полнокров-

ной жизни в США среди «своих». Одновременно он может болеть душой за дело демократии в России и стараться как-то помочь ему из США. Примеров таких смешанных стратегий, как и примеров перемены доминирующей стратегии, можно привести множество.

Естественно, что в разных конкретно-исторических условиях эти стратегии различаются по степени интенсивности, доминированию той или иной из них и конкретными формами их проявления (как и в разных индивидах и в разные моменты их биографии).

В США, где угроза антисемитизма всегда была относительно слаба, стратегия борьбы за прогрессистское переустройство общества принимала в основном очень умеренную форму голосования скорее за либеральных демократов, чем за консервативных республиканцев, а стратегия ухода к «своим» — создания массы еврейских организаций и лоббистской и денежной помощи сионистской колонизации и Израилю. В царской России с ее чертой оседлости те же стратегии приняли форму революционного марксизма и «настоящего», жертвенного сионизма. Сейчас в России они же принимают формы идеологии радикального демократизма, свободного рынка и отъезда в Израиль или на Запад. Стремление добиться социального успеха, компенсирующего этническую «ущербность», в 20-е годы в России могло принимать форму партийного карьеризма. Затем, когда этот канал мобильности закрылся, оно приняло форму стремления к успеху в науке и искусстве, а сейчас, возможно, превратится в стремление к успеху в бизнесе.

Но насколько эти стратегии можно считать еврейскими? Что в них — еврейское и что — общечеловеческое? Они, безусловно, не еврейские. Это — общечеловеческие стратегии, возникающие у всех людей в аналогичных ситуациях. Их можно найти у множества этносов, оказавшихся в положении, похожем на еврейское. Так, стремление компенсировать национальную и религиозную дискриминацию, заняв высокую позицию на социальной лестнице, мы можем найти и у армян в мусульманских странах, и у русских старообрядцев, наживавших капиталы и откупавшихся от преследований, и у китайцев в США и Юго-Восточной Азии. Вполне можно представить себе, что через некоторое время русские (скажем, в Эстонии) начнут компенсировать неравноправие бешеной экономической активностью и эстонцы станут жаловаться на засилье русских торгашей. Сионизм, разумеется, — идеология специфически еврейская, но аналоги сионизму — это и движение черных американцев, создавших Либерию, и массовое возвращение армян в Армению после войны, и движение крымских татар. Более того, что такое по сути нынешний переезд русских из Центральной Азии в Россию, как не аналог переезда евреев из России в Израиль? Стремление слиться с господствующим этносом — тоже всеобщая стратегия меньшинств, и, например, масса русских немцев в царской России переходила в православие, а некоторые из них тоже становились «более русскими, чем сами русские» — подобно Жириновскому. Прогрессистские движения везде поддерживались меньшинствами сильнее, чем представителями господствующего народа, и в США электорат демократов — это блок всех меньшинств: и негров, и евреев, и католиков, противостоящий белому протестантскому «ядру» общества. Таким образом, ничего специфически еврейского в самих этих стратегиях нет.

Специфически еврейскими являются лишь некоторые формы (например, ясно, что только у евреев стремление уйти от «чужих» и собраться вместе могло принять форму собирания именно в Палестине), высокая степень интенсивности этих защитных механизмов, связанная с положением, более уязвимым, более угрожаемым, чем у других народов, и ситуация, когда при быстром исчезновении еврейской культуры (но не антисемитизма) эти защитные механизмы, бессознательные

стратегии, становятся чуть ли не единственным специфическим содержанием еврейской психологии. Как специфическая культура, как особый народ евреи — это исчезающе малая величина, это тень когда-то существовавшей культуры. Но вокруг этой тени еще бушуют страсти. На людей нападают, и они вынуждены защищаться, хотя уже нет ничего, из-за чего на них можно было бы нападать (нет религии, которую приверженцы других религий в силу каких-то причин могли бы считать «плохой»), нет культуры, которую почему-то можно не любить, нет даже «расы», ибо просто смешно всерьез говорить, что какой-нибудь четвертькровка-еврей принадлежит к иной «расе», чем русские), кроме самого факта их самозащиты, их защитных стратегий.

МЫ ВИДЕЛИ, что все стратегии в какой-то мере ведут к результатам, противоположным желаемым. Любое проявление защитной стратегии вызывает какую-то антисемитскую реакцию. Евреи оказываются в ситуации человека, рядом с которым находится хищник. Если ты лежишь неподвижно, хищник на тебя не бросится. И ты, может быть, и лежал бы спокойно, но именно потому, что ты знаешь, что хищник — рядом и готов к прыжку, ты не можешь оставаться спокойным. Ты пытаешься взять палку или убежать или вообще что-то сделать. Именно твоя активность раздражает хищника. Значит ли это, что антисемиты и евреи обречены поддерживать существование друг друга? Что антисемиты не дадут евреям «раствориться», а евреи не дадут антисемитам успокоиться? На мой взгляд, все же нет. В целом антисемитизм, хотя у нас, в России, на какое-то время вполне возможно и даже вероятно некоторое его усиление, постепенно идет на убыль. И происходит это, как мне кажется, по трем основным причинам. Во-первых, из-за ассимиляции евреев и их численного уменьшения в России (как и вообще в диаспоре). Дело в том, что, хотя в антисемитизме есть патологические моменты, а крайний антисемитизм — просто род паранойи, сам по себе антисемитизм к патологии все же не сводится. Нелюбовь к реально чуждому народу, с иной культурой, присутствие которого становится все более зримым и меняет культурный облик страны, можно считать чем-то нехорошими, постыдным и подавлять, но все же это нельзя считать патологией. Можно осуждать немцев, ворчащих в наши дни на турок (я говорю именно о ворчащих, а не об убивающих), но понять их в какой-то мере можно, ибо наплыв турок действительно меняет культурный облик Германии, стремление сохранить который, в общем, вполне естественно. И нелюбовь к евреям тоже далеко не всегда и не везде была патологией. Когда арабы Палестины восставали из-за еврейской колонизации, понять их тоже нетрудно. Даже принявший в конце концов совершенно безумные формы антисемитизм в Германии имел некоторые реальные основания, ибо, как уже говорилось, в 20-е годы в Германии обосновалось множество евреев из Восточной Европы, культурно довольно чуждых ей, и резко усиливалась социальная мобильность евреев. Но евреи в России — это не толпы чужих, нахлынувшие на наши города. Это уже в основном те же русские, специфически еврейская культура которых — исчезающе малая величина, чье еврейство поддерживается в основном антисемитизмом и вдобавок — численно уменьшающиеся за счет эмиграции (уже не говоря о смешанных браках). Антисемитизм — мощное и прочное чувство, и отступает он медленно. Но все же уменьшение вызывающей негативные чувства реальности постепенно влияет и на уменьшение самих негативных чувств, делая убежденный антисемитизм чистой патологией, которая все же не может быть устойчивым состоянием большинства нации. Во-вторых, исчезает еще один из источников антисемитизма, при-

дававший ему по сравнению с негативными чувствами к другим народам особенно болезненный оттенок. Это — представление о евреях, как о каком-то особом, странном народе, связанное с тем, что они, как цыгане,—народ без собственной родины. У «полноценных» народов это всегда вызывало чувства, которые обычно вызывает у людей любая «странность», «неполноценность». Но сейчас положение еврея в России не так уж отличается, например, от положения немца. У немца есть Германия, а у еврея — Израиль, ситуация в котором становится все более прочной, стабильной. Таким образом, евреи не только уменьшаются в численности и ассимилируются, но и утрачивают свою особую странность, уникальность.

В-третьих, и это, конечно, самое важное — весь мир (и Россия в том числе) постепенно идет к тому строю цивилизации и демократическому порядку, при котором роль всякого рода национализмов и вообще сильных, жестких идеологий будет все более сходиться на нет. Россия движется в том же направлении, что США и Европа, хотя и более медленно и значительно более сложным и «извилистым» путем. И подобно тому, как США перешли от господства расизма, от католических погромов прошлого века, от массового антисемитизма 20-х годов к современному состоянию, как Европа эволюционировала от полуфеодалных монархий, фашистских диктатур и бесконечных войн и революций к Европейскому Союзу, а Латинская Америка — от чехарды всякого рода кау-дилло к более или менее стабильному господству демократии, так и Россия в конечном счете перейдет к стабильной демократической жизни и к неизбежно возникающему в демократическом обществе доминированию индивидуального и общечеловеческого над этническим. На этом пути обязательно будут еще реакционные движения, вспышки национализма и т. д. Но общее движение идет все же *от* националистических идеологий, эпоха которых миновала.

В этом процессе отстывает антисемитизм и исчезают, растворяются (везде, кроме Израиля, где они в некотором роде тоже исчезают, преобразуясь в новый народ) евреи. При этом в одних странах антисемитизм может уже почти исчезнуть, а евреи еще сохранять, как в США, относительную обособленность, в других, как в России, евреи могут почти «раствориться», а антисемитизм — еще более или менее прочно держаться. Но судьба и антисемитизма, и евреев в конечном счете — исчезнуть, как исчезал в сказке Л. Кэрролла чеширский кот: он «растворялся» в воздухе, но при этом еще очень долго была видна его улыбка. И, думаю, через 50 лет некий русский, услышав еврейскую фамилию, быть может, и отпустит какую-нибудь шуточку, но это будет иметь не большее значение, чем та шуточка, которую может отпустить американский протестант по отношению к католику-ирландцу или французы традиционно отпускают по поводу бельгийцев. «Серьезный» же антисемитизм, думаю, «сожмется» до размеров крохотной секты, вроде тех, до сих пор существующих в США сект, что верят во всемирный католический заговор.